

Поле битого кирпича

Владислав Март

18+

Владислав Март

Поле битого кирпича

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70432630

SelfPub; 2024

Аннотация

Остановка на трассе в случайном повороте. Никогда не знаешь, что там найдёшь и какую работу придётся выполнять. Может снова разрушать мир чтобы снова его возродить.

Владислав Март

Поле битого кирпича

Нежаркий солнечный день бесплатно раздавал свет, покой и время. У нас всего было вдоволь на этой долгой загородной дороге. Мчались и проживали её, катясь внутри старомодной машины. Нефть, магия и удача толкали авто по ровному шоссе в обход скоплений людей и домов. Мы остановились на почти случайном повороте трассы. Вернее, на отвороте. Ещё вернее на небольшой грыже, на аневризме. Такой, знаете, поворот без особого обозначения кроме синего знака Т-образного перекрёстка за которым ничего нет. Никакого продолжения, ни села, ни заправки, ни мусорного бака, ничего. Просто пять метров асфальта, съезд к грунтовой дороге, а чаще к вытоптанному пятаку травы, к небольшому болотцу с рухнувшей престарой берёзой. Такие повороты используются путешественниками для выброса обёрток, отлива нужды, курения табака и для самого благородного из возможных поводов остановки – для выгула собаки. В нашем случае даже того сине-белого знака не было. Небольшое расширение с плавным заворотом кишки-дороги. Ровно такое пятно утрамбованного битума чтобы можно было встать большегрузной машине либо трактору. Такой карман. Очень полезная вещь во многих случаях даже и без продолжения грунтовки. А у нас ещё была и она. Ко-

леистая, ухабистая и украшенная ромашками по сторонам, диким цветом неизвестных бескультурных трав, вечным человеческим следом-подорожником. Метров двадцать-тридцать колея шла через микро лесополосу, что отделяет трассу от реального мира природы, а затем дорога выводила в поле и растворялась.

Заброшенное поле, оно стало почти ерником, почти покрылось невысоким трясущимся леском и шумящим на ветру кустарником. Двигаясь далее, мы входили в природу. Грунтовая дорога становилась всё уже, так и ёрзала чтобы начать делать непонятные профилированные повороты или предъявить пешеходу яму полную мёртвых лягушек. Машина наша, оставленная на асфальте, начала скрываться из виду. Высотой сухостоя, впадиной земли, торчащими в беспорядке будущими старожилками леса, дубками и осинами, что возмужают здесь лет через пятьдесят. Всем этим забором нас отрезало постепенно от трассы. Одна только крыша автомобиля угадывалась за зеленеющим безобразным разнообразием невысокой заросли. На пути перестали попадаться салфетки, сигареты и бутылки, я пнул последнюю рваную ёмкость из-под стеклоомывателя. Настала чистота природы. Настала пора ускорить шаг чтобы перешагнуть и эту часть пути. За полосой деревьев у дороги, за мелкой порослью и грудой мусора, мы начали различать собственно поле. Но и в нём островами-оазисами росли уже деревья, орешник, сосны. Однако обернувшись от солнца, было однозначно понят-

но, место это является полем. Простором умышленным, для чего-то в былые времена очищенным от леса. Со слабо различимыми сегодня границами, с исчезающей в петле дорожкой, с насекомыми и заблудившимся васильком на кочке. Мы свернули с колеи и ступили на плоскость земли.

Поле. Как и во многих других, в этом поле что-то росло. Конкретно здесь – рос битый кирпич. Треугольные его бока торчали повсеместно и норовили вызвать неудобство при ходьбе. Замаскированный некошеной травой и кузнечиками, красный кирпич проступал всё явнее. Мы начали останавливаться тут и там, наклоняться, проверяя достаточно ли много кирпича в почве. Встречались промежутки, проплешины размером с комнату, но в общем битый кирпич ковром застилал огромное пространство. Разделившись, нас было трое, мы пошли по двум краям поля и в предполагаемый центр. Уверенность крепла, поле набирало всё больше очков в нашей оценке. Мне попалось место настолько плотно засыпанное обожжённым кирпичом, что трава не без героизма искала в нём путь к жизни. Я останавливался каждые несколько десятков шагов и наклонялся или вовсе садился на корточки. Рукой проводя по остаткам некогда важных частей неведомых опорных конструкций, рассматривая террактотовую пыль на линиях жизни ладони, я кивал со знанием дела, поджимая губы. Чья-то красная пыльная ломаная жизнь лежала под моими стопами. Несколько раз попадалась арматура, мотки проволоки, бетонная крошка полукольца,

сейчас служившая клумбой для пижмы. Я встал на одиночную кочку и замахал рукой остальным. Двое моих товарищей поняли знак, как общий сбор для принятия решения. Пока они шли ко мне, равноудалённые, я ещё раз присел и потёр пальцами почти целый ребристый кирпич. Сухой звук, крохотное облачко мелкой пыли, запах глины и сажи. В знак своего положительного решения я провёл пальцами по лбу, коснулся центра оставив на нём след-полумесяц.

– Красавчик! – первым подошёл Брахма, – красная луна, очень в стиле. Похоже на веко закрытого третьего глаза. Ресниц только нет.

– Всё шутим? – справа уже стоял Вишну, – каково ваше мнение по поводу места, хотя вижу, что один уже проголодовал.

– Голосую, – Брахман наклонился и чиркнул пальцем по кирпичу, распрямился и нанёс длинную вертикальную полосу себе на лоб и нос, отчего его лицо разделилось на две половины.

– Вы уверены? Что здесь было? – Вишну обернулся в сторону медленно уходящего в уклон огромного поля.

Я тоже посмотрел. На долю секунды мне показалось, что вижу в дали лань, но это было очень желаемое выданное за действительное. Поле битого кирпича было мёртвым и условие это – важно. Никто не должен пострадать помимо основных участников.

– Красное поле, – промолвил я, – на местном языке зна-

чит красивое. Здесь была страна людей. От моря до моря, с широкой душой.

– Рубашки рвали на груди, кантаты сочиняли? – Брахма ковырял носом ботинка слипшиеся кирпичи.

– Тебе ли не знать, спросонья создавал?

– А ты сохранял?

– Мухоморы ели? В проруби мыслишь?

– Ой, слушай, ещё лучше, мясо ели и огненную воду пили.

Весёлые были ребята...

Вишну и Брахма ещё несколько минут шутили и дошли до плоских шуток по то, как местные попали ракетой в Луну. Та не отскочила, так и валяется на Луне.

– Жили. Были. – Я вставил своё. – Моего разрушения не дождались, как-то сами сгнули. Красная кровь, красная площадь, красное мясо, монохромные были ребята.

– Так это не ты их? – Вишну искренне удивился и в этот же момент проголосовал. Без помощи рук, кирпича или наклонов, нарисовал себе на лбу широкую бардовую горизонтальную полосу. Просто так, невидимым способом.

– Всего не успеть. Не я. Самостоятельные были очень. Всё сами.

– Кирпичные люди – Брахма скривил рот.

Все трое мы умолкли, наблюдая как в небе ворон нарушает границу поля и редко махая крылами движется в сторону полосы леса на западе.

Нарушил тишину Вишну:

– А у них были такие маленькие коробочки в которых жил воображаемый зверёк, они его должны были кормить, убирать за ним, играть, а иначе из него выросло чудовище. Коробочка пищала постоянно, если забыли какашки убрать, так?

Брахма тут же запищал: «Пи-пи-бип! Какашка-какашка! Тревога!». Он принялся изображать динозавра с короткими ручками, который не может дотянуться до своей задницы чтобы её вытереть.

– Или это у других было?

– Когда вы уже повзрослеете? – полушутя сказал я. Улыбнулся и открыл новый глаз.

Дело надо было делать. Начинать. Я сел на землю в цветочную позу оказавшись в один уровень с высокой травой, пробившейся сквозь слой обожжённой глины. На левую руку мне заползла кобра и двигаясь выше постепенно обвила тело перевязью от правого плеча до левого бедра. Расположилась этаким поясом. Пару раз раскрыла свой капюшон, последовательно шикнув на моих сопровождающих, затем улеглась и стала незаметной складкой одежды. Позади подошёл пёс. Встал за моей спиной, боком, дышал громко, жарко, как будто бежал ко мне от Гималаев. Чувствуя спиной его присутствие, тёплую шерсть, живое беспокойство, мне даже захотелось всё отложить. Погладить его и бросить в поле палку. Играть с друзьями и собакой. Но всё запускалось, вертелось и начиналось. Ветерок подул по земле, скидывая прошлогод-

нюю листву и красную пыль. Вместе с ней, словно испаряясь, поднялись вверх и растворились в перистом облаке Вишну и Брахма. У последнего до самого конца контрастировала на голубом фоне улыбка, как у одного кота из древней местной легенды. Шутить изволил мой друг. Трава вокруг меня примялась, разложив дикие колосья и отдельные травинки словно лучами на два-три метра. Я стал центром небольшой полянки и замер, привыкая к тишине. Однако ждать её пришлось ещё четверть часа. Последние полёвки, кроты и птицы как ни торопились покинуть поле битого кирпича, всё же им требовалось больше времени. Писк их уходил к лесу. И вот, я остался с коброй и псом, сидеть на колкой бордово-коричневой земле. И тогда, видя меня и знаки неба, идя на свет третьего глаза, на тепло пса и на треск кобры, из недр земли встала другая сторона.

Подобно выстрелу спор из гриба, в шаге от меня из праха поля и до самой полоски леса встали из земли стены. Крепостные гряды лабиринтом выросли из треугольных обломков кирпичей. Выше самой длинной лестницы, толщиной в пять лежащих рядом водяных буйволов, с зубцами для укрытия лучников на вершине. Красные как тонущее в реке солнце, ещё горячие как хлеб, испечённые в земляной печи заново, стены выросли и закрыли от меня весь мир, кроме нескольких лютиков лежащих у самых моих скрещённых ног. Из-за зубцов на вершинах стен, что повторяли формой хвосты хищных птиц, полетели в меня стрелы. Кованные на-

конечники, каменные наконечники, стрелы из рыбьей кости и когтя зверя, стрелы с пучком подожжённой соломы, и стрелы обмакнутые в яд цикуты и тарантула. Из-за дальних, теперь заслонённых от меня стен, обгоняя тучу вибрирующих стрел летели точно в голову каменные ядра от укрывшихся за лабиринтом огромных машин из мертвых деревьев, сколоченных и связанных в великанов, бросающихся тяжёлым грузом. Куски камня, туши разлагающихся коров, массы грязи и горящие смолённые снаряды. Некоторые были так велики, что могли бы задавить сотню сидящих на месте людей. Как обломки луны они тёрлись о воздух со свистом и ненавистью, оставляя горящий или вонючий след. Ближняя стена передо мной, которой мог коснуться, протяни я руку, частично рассыпалась. Вернее, начала осыпаться, а затем образовавшийся разлом мутировал, стена распахнулась внутрь огромными воротами. Обрамляли створки врат черепа невиданных тварей с клыками и рогами. Сквозь ворота поднимая ноги над самой моей головой двинулся строй глиняных големов. Они были всё из того же кирпича, что стены, что поле подо мной и псом. Красные, выдыхающие пыль, потеющие цементом, харкающие непропечённой глиной. Из каждой ноги голема можно было бы сделать печь для лепёшек, из каждой головы – дом для пастуха. Пылающий огонь в глазах терракотовых големов вываливался вперёд угольками при их движении и поджёг траву вокруг меня. Чёрная сажа шла из каждой трещины на их теле. Тут же, меж ног големов

пролезали люди в шкурах растерзанных зверей и в одеждах, покрытых пластинами металла. Они держали сети и копья, смотрели на меня яростно и дико, как на последнего врага в долгой войне угрожающей их бытию. И эти стрелы, горящая смола, подошвы големов, копья людей, все находились перед моим лицом. Перед моими закрытыми глазами. Дыхание гнева атакующих отбросило назад мои волосы. Топот их ног заставлял моё тело подпрыгивать над землёй. Летящее смертоносное облако стрел и камней бросило на меня тень. Кобра было раскрылась, но снова сложила капюшон и спряталась в страхе, обвив моё предплечье, сдавливая его мышцами. Пёс прижался сзади к моей спине, навалившись всем телом и поджал хвост. Примятые цветы повернулись ко мне лепестками, как к утреннему солнцу. Казалось они хотели выйти из земли, лишь бы быть ближе. Грохот войны поглотил мир заставляя воду в далёких озёрах выйти на берег, а птиц упасть с неба.

Пространство полное гнева и желания убийства начало деформироваться. Все стены, стоявшие перед моей сидящей со скрещенными ногами фигурой, изогнулись дугой и окружили меня. Они сомкнулись за спиной без шва и прохода. Плотнo сжимаясь кирпичные донебесные стены почти касались меня, стали трубой, с пяточком земли в глубине, в основании, на котором сидел я со своими спутниками. Стена-труба вилась к небу и танцевала змеёй, не давая и капле света упасть на моё дно. От того всё превратилось словно в сухой

колодец, на дне которого я оказался. При этом ни големы, ни угли, ни острия стрел и пик никуда не делись. Непонятным образом они помещались внутри стен трубы-колодца и все одновременно были вокруг меня и передо мной. Высоко вверху в теперь круглой неразрывной стене образовались бойницы-оконца. Через них на меня стал падать красный газ, замороженный до степени похожести на снег. Одно касание с ним может отравить любое живое. Облако стрел по-прежнему летело в меня сверху вместе с тушами разложившихся коров, но пока не долетало. Только зачерняло тень и без того массивного воинства, уместившегося в бесконечности каменного колодца. Последними на меня полезли правдорубы. Исчадия похожие на крупных мужчин покрытые полностью, включая белки глаз и волосы, красной пылью. Ноздри у них были широко раскрыты и высыпали пыль на их могучие грудные мышцы. Именно они руководили армией. Правдорубы имели несколько рук, три, пять, разное число. В них находились инструменты этой войны. Красные мужчины держали плети, к сотням концов которых были привязаны лучники, посылающие меня зажжёнными стрелами. Я видел, как лучники задыхались от повязанных на шею окончаний гигантских плёток, но стреляли и стреляли в меня безостановочно. Вместе со стрелой каждый посылавал кусочек кровавой мозоли со своих пальцев. В одной из рук ближайший правдоруб держал копьё, что проходило насквозь каждого титанического голема. Пробивало в нём дыру в спи-

не и упиралось в тлеющее сердце внутри, в последний, не остывший кирпич после рождения чудовища в печи. И голем кричал, посыпая солдат внизу горящими черепками. А его сердце касаясь кончика копья выбрасывало сноп искр. Копьё с каждым шагом существа чиркало об его сердце как гигантская спичка. Правдорубы дёргали длинными косами на затылках, к которым оказались фиксированы катапульты и другие метательные машины. Механизмы трещали и выли, горели, умирали, но подчинялись косам и швыряли в меня камни и трупы. Трупы солдат сами заползали в ковш для метания. Другие сначала умерщвляли крупных животных, клали их в катапульты, а затем обливали себя горячей смолой и залезали в ковши. У отдельных нападавших правдуров в руках оказались шампуры с наколотыми на них обожжёнными людьми. У них было отрублено всё кроме клыкастого рта полного вставных зубов диких животных. Этим ртом они хотели разорвать меня на части. Правдорубы окружили дно колодца встроившись в эту вибрирующую в танце смерти бесконечность пляшущего смерча и стряхнули со своих плеч кирпичную пыль на мою голову. Как и облака газов, топот големов, секиры пехоты, всё было прямо перед моим лицом и одновременно в пространстве мира от моих ступней до самого бесконечного неба. И был растоптан последний цветок, пробивавшийся меж кирпичной гряды. И кобра сдавила мою руку до синевы кожи. И пёс заскулил, чего не было с ним никогда ранее.

Тогда я начал делать то, что умею лучше всех. Разрушение. Я пролил свет, установил покой и запустил время. Ибо никакая правда не выдержит свет, покой и время. Я светил столько времени, что глиняные враги засохли и потрескались, опадая листопадом черепком. Я засветил правду обнажая кости и черепа манипуляторов, полные пыли. Мой покой разорвал в клочья нетерпение и бешено вращающееся колесо битвы, истерику каждой конкретной стрелы и колеса. Она, битва, упала вниз, глубже дна моего колодца, который теперь бесконечно вёл в пропасть земли той же извивающейся трубой. Отдельные руки кирпичных монстров, цепляющиеся за край поля обламывались под тяжестью правды уносящей их в глубину земли. От меня и до недостижимого низа летели остатки битвы. Я уничтожил личности всех стреляющих, топчущих, отливающих мечи и закаляющих големов. Тех, кто управляет полётом стрел и тех, кто рисует проекты крепостей. Всех обучающих строй и поднимающих знамя. Разорвал тот мыльный пузырь, из которого убивающие не хотели и не могли выйти. Снял то, что было для них важно, обрушил на землю. Всё мешающее жизни. Оболочки и накидки, шкуры и ауры.

Разрушение продолжалось. Падали шипованные короны и замещались на серо-фиолетовые мозговые клетки. Лопались пазухи кирпичных перемычек становясь лицом и глазами. Утекали в небыль верёвки с шеи освобождая дыхание. Сползла с груди тяжесть правды, расправились межрёбер-

ные промежутки. Потухло брызгающее серой шипящее ярмо в области солнечного сплетения, позволяя существам разогнуться и не корчиться в позе раба. Крестец отбросил дымящийся хвост и увяли терновые корни, кованые цепи, растущие к ногам солдат от земли. Семь мест прикрепления к телу зла освободились. Все семь зон кирпичных тел взорвались разбитым хрусталём. Свинец летел и летел в дыру подо мной. Разрушение. Вдребезги. Без пути назад. Я творил разрушение. Перевернутым карточным столом опрокинулось красное войско. Труба распахнулась, осыпая мир своей трухой. Время было на моей стороне, и мы с коброй и псом смотрели день за ночью как плавится последний правдоруб в кислоте собственной слюны. Как пики пронзают несущего их. Как големы массой вдавливают в прошлое машины для метания коров. Мне было приятно сидеть, слегка опираясь на шерстяного пса позади меня и чувствовать, как тает его напряжение. Как нос его поворачивается по ветру и начинается перемирание в лапах. Кобра ослабила хватку и любопытство взяло над ней верх. Показывая падающей армии свой раздвоенный язык, она переползла на плечо и замерла, наблюдая смену видимых ей инфракрасных событий. Затухание огней в глазах убийц и остывание крови в венах машин. Разрушение. Я есть разрушение. Когда были освобождены от огня и праха все презлые и разорвало на части всё целое зло, а мельчайшие неразрывные части ушли под землю, я почувствовал, что разрушение завершается. Где-то на моём теле в

этот миг началась лёгкая вибрация.

Мои руки были заняты. Ладони сложены друг к другу лодочкой. Третья рука гладила пса. На четвёртой сидела кобра. Вибрация была мягкой и знакомой как слова родного человека. Мне пришлось оторвать одну из рук, ту, что гладила белого пса, и достать из кармана телефон. Вибрировал он.

– Да, дорогая, – сказал я, сидя всё так же с закрытыми глазами и наблюдая за крушением империи поставившей для битвы ядовитый газ, – что случилось?

– Ты, там место пописать не можешь найти? Может поедем до заправки? – женский голос с искоркой поддёвки и честного юмора щебетал на другом конце сигнала.

– Разве меня долго нет, любимая? – царство, создавшее печи для выплавки големов утонуло в ледяном океане.

– Десять минут без тебя это целая вечность, приходи скорей!

Я прислонил телефон четвёртой рукой поудобнее чтобы сказать:

– Любимая, уже бегу.

Сигнал завершился вместе с катастрофой мира, пославшего правдорубов. До них долетел мой свет, покой и время. Далёкий мир ослеп, остановил свой лихорадочный быт и умер от старости. Пепел, не касаясь моего пяточка, бывшего дна колодца оседал на неистово растущую траву. Последняя покрыла землю подо мной, под псом и спиральной паутиной разошлась по полю. Небо открылось, давая молодой поросли

воду, свет и птиц. Густая трава скрыла бывшие кирпичные належи и убежала бурным ростом до горизонта. Время давало ей скорость. Дальний лес вновь стал виден и от него ко мне побежали звери и полетели птицы. Пёс радостно запрыгал им навстречу, кобра удалилась по своим делам. Я разрушил всё. Я встал и пошёл к машине.

Кали нетерпеливо посигналила, словно давая мне звуковой маяк. Ещё минута по колее, и я уже узнал её яркое платье. Она стояла на подножке чтобы видеть дальше и махала мне рукой.

– Шива, поехали уже! Я блинчиков хочу в том кафе!

– Бегу-бегу, – действительно ускорился я, вдыхая по пути свежий аромат трав. Подошёл и снял Кали за талию с подножки машины.

– Где ты так умудрился запачкаться? Какая-то грязь на лбу, как это вообще возможно? – она смотрела на моё лицо, поспешила палец и начала стирать у меня что-то со лба.

– Ты пять минут не можешь побыть аккуратным, – её палец был красным, весь в кирпичной пыли. Она достала влажную салфетку и с усилием тёрла центр моего лба, затем свой палец. Взглянув ещё раз, она осталась довольна чистотой и заторопилась садиться на переднее пассажирское место.

Ручник. Сцепление и тормоз. Первая, вторая передача. Мы выкатывались на пустую трассу набирая скорость. Переключив на четвёртую передачу, я посмотрел в зеркало заднего вида на всё ещё пустую дорогу и заднее сиденье. Там Виш-

ну и Брахма толкались и плевались друг в друга. Заметив, что я смотрю на них они стали беситься резвее. Смеялись, нет хохотали в полный голос. Они использовали для игры с плевками трубочки из полого стебля небольшого растения, а снарядами служили маленькие ягодки. Они уже раздавили несколько на стекле и сидениях. Дошло до того, что Вишну с ногами залез на кресло и начал щекотать Брахму. Он же вставил себе в нос трубочки-стебли и стал похож на моржа. От этого вида Брахма смеялся ещё сильнее, чем от щекотки. Я тоже улыбнулся. Друзья запачкали полсалона своими сандалиями и ягодами. Кали будет сердиться, если их увидит.

Впереди по дороге горел свет. Обычный солнечный свет, время и покой были у нас впереди и одновременно под рукой. Пятая передача. Кафе с блинчиками становилось всё ближе.